

ЭСТОНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ БАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ¹

РЕЭТ БЕНДЕР

Введение. Специфика балтийской литературы

История перевода, восприятия и толкования балтийско-немецких текстов в Эстонии тесно связана с общим представлением о балтийских немцах. В данной статье рассматривается история эстонских переводов этих текстов. Понятие «текст» охватывает здесь письменную и литературную продукцию в широком смысле — как литературные, так и (авто)биографические, эпистолярные, научные, публицистические и подобные им тексты. Такое понимание опирается на мнение Яана Ундуска, который усматривает специфику балтийско-немецкой литературы не в художественных текстах, а в том, что он называет *mõtteproosa*, «интеллектуальная проза» [Undusk 2011: 565]. Так, по мнению Ундуска, те, кто осуждает балтийско-немецкую литературу, в их числе Геро фон Вильперт, «должны быть в восторге от немецкой литературы, от объема этой большой литературы» [Undusk 1993: 28], т. к. «ядро балтийско-немецкой литературы составляют прежде всего исторические трактаты, политическая, юридическая и экономическая публицистика, а также эссеистика по темам культуры, природы и в меньшей степени философии» [Undusk 2011: 565].

Исторически балтийское литературное поле было многоязычным. До середины XIX в. эстонская и латышская литература не были самостоятельными,

¹ Статья написана в рамках институционального гранта IUT34-30 Tõlkeideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuridünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries.

они существовали на периферии большой немецкоязычной литературы, и это замечание справедливо как в отношении авторов и жанров, так и господствующей идеологии. В то время не было чисто эстоноязычных авторов, язык был маркирован функционально и стилистически, но не связывался с национальной характеристикой. С середины XIX в. на основе многоязычной балтийской литературы образовались немецкая, эстонская и латышская литературы [Undusk 2008: 94–95]. Лийна Лукас считает, что в словосочетании «балтийская литература» прилагательное следует понимать в его исходном смысле, т. е. как географический термин [Lukas: 26–27].

Часто повторяемый упрек в посредственности немецкой литературы в Прибалтике может быть значительно смягчен благодаря так называемой «теории поступка и текста» Ундуска. Согласно ей, в случае балтийско-немецкой литературы речь всегда идет о соединении поступка и текста. В основе мысли Ундуска лежал анекдот о графе Гуго фон Кейзерлинге. На вопрос внука, что такое история, он якобы ответил: «История — это то, что мы делаем и о чем обыватели пишут свои книги» [Undusk 1993: 26; Undusk 2008: 98]. Эти две группы балтийского высшего общества — дворяне и литераторы — встретились в Дерптском университете, который служил плавильным котлом для балтийского общества и представлял симбиоз сословий. Итак, согласно Ундуску, «поступок» создает содержание, форму которому придает «текст». Однако иногда появлялись такие тексты, которые не были фиксацией «поступка» и не представляли его форму, но являлись «самим поступком» [Undusk 1993: 27]. Таким образом, создание текстов не было долгом, так же, как не было долгом создание первоклассных текстов. Переживание природы, например, могло иметь большую ценность, чем стихотворение, в котором это переживание отразилось [Там же: 28].

То, что при создании текстов их качество «не принимали всерьез», можно объяснить, согласно Лукас [Lukas: 193–194], тем, что среди писателей в Балтийских губерниях было относительно много женщин по сравнению с Германией: из 191 автора литературных текстов, опубликовавших что-либо с 1890 по 1918 г., 68 были женщины. Из 233 прозаических произведений, которые были напечатаны за тот же период, 117 вышли из-под пера женщин [Там же: 193]. В провинциях Балтийской губернии сочинительство, как и игра на рояле, рисование или рукоделие, являлись, в определенной степени, постоянным занятием девушек из высшего сословия, т. к. профессиональные перспективы женщин были весьма ограничены. Так как занятия словесностью не принадлежали к числу значимых общественных и светских занятий (к ним относились государственная служба,

общественная и общепользная деятельность во всевозможных объединениях и союзах, а также простое общение), они рассматривались как дамское развлечение. Это не было «подчинением тексту», автор не позволял тексту владеть собой, но подчинял его себе [Undusk 1993: 28].

Тезис о вторичности и практичной ориентированности литературных занятий в Балтийских губерниях можно перенести на структуру эстонских переводов балтийско-немецких текстов начиная с послевоенного времени по сегодняшний день. Среди более чем 275 переводов, выполненных с 1945 по 2015 г., было удивительно мало художественных произведений (около 15%), в основном мемуары, а также историческая, политическая и научная литература (сведения взяты из базы данных, составленной автором).

До Первой мировой войны, однако, на эстонский язык было переведено очень много балтийско-немецкой литературы. Согласно исследованию Л. Лукас, всего между 1890 и 1918 гг. было переведено 102 художественных текста, прозаических 61 и поэтических 41 [Lukas: 593–599]. Эту тенденцию можно объяснить большим количеством публикаций в газетах и журналах (только 19 текстов из 102 вышли в формате книги). Число переводных литературных произведений было велико, потому что для наполнения периодических изданий не хватало текстов собственного, т. е. эстонского производства.

История рецепции

Как было сказано выше, восприятие балтийско-немецкой, т. е. немецкоязычной балтийской литературы нужно рассматривать в рамках общего толкования немецкой культуры в Балтийских губерниях, т. е. через призму существующего в коллективной памяти представления о ней.

Если анализировать эстонские переводы балтийско-немецкой литературы в контексте меняющихся балтийско-немецко-эстонских отношений в XX в., можно выделить три стадии в трактовке немецкой культуры и истории в Балтийских губерниях, обусловленные историческими, политическими и общественными переменами. Во-первых, переводы межвоенного периода, к которым в лингво-социологическом аспекте причисляются и переводы, появившиеся до Первой мировой; во-вторых, переводы послевоенного времени, точнее сказать, советского периода; и, в-третьих, переводы, появившиеся в эпоху обретения Эстонией независимости и в позднейшие годы. При этом можно отметить положительную динамику в отношении переводчиков к балтийским немцам. Среди переводов второго периода —

послевоенного, т. е. советского, — необходимо выделить две подгруппы в зависимости от того, появляются ли они по ту или другую сторону железного занавеса, а также в официальном или неофициальном культурном пространстве. Для общей картины переводов с послевоенного времени и до окончания советской оккупации характерны следующие признаки: 1) разделение переводческой деятельности — в советской Эстонии и в эмиграции; 2) малое количество художественных текстов; 3) академизм и идеологизация переводов в советской Эстонии; 4) личный интерес — в обеих подгруппах; 5) перевод текстов в обход цензуры.

С этой точки зрения рецептивную историю балтийской литературной культуры можно сравнить с паззлом, в котором не хватает некоторых частей, но о них ничего не известно, поэтому картина представляется завершенной. В ходе изучения этой истории с начала XX в. по сегодняшний день об интер-, мульти- и транскультуре балтийской литературной деятельности забывали или не хотели помнить — причем по обе стороны «стеклянной стены», той, что, согласно Фегезаку, разделяла балтийских немцев и эстонцев и латышей [Vegesack]². О многом умалчивалось, и в результате многое предано забвению.

Хотя к немецкому меньшинству в Балтийских губерниях после Первой мировой войны относились терпимо, и немцы не превратились, как в военное время, из привилегированного в отверженный народ, тем не менее, сближения между балтийскими немцами и эстонцами и латышами не наблюдалось [Must: 198]. Созданная Зигфридом фон Фегезаком метафора «стеклянной стены» характеризует барьер между народами, который продолжал существовать, и примечательно, что выход романной трилогии Фегезака (ср. прим. 2) вызвал в эстонском обществе живой интерес³. Несмотря на идеологические и политические разногласия становилось постепенно ясно⁴, что, развивая национальную государственную систему образования, нельзя выбросить за борт всю прежнюю историю (и историю культуры) только потому, что ее несли немцы. Август Аннист в своем ис-

² Публикация частей его трилогии "Baltische Tragödie" («Балтийская трагедия»): "Blumberghof. Geschichte einer Kindheit" (1933), "Herren ohne Heer" (1934), "Totentanz in Livland" (1935).

³ В тартуской ежедневной газете "Postimees" летом 1935 г. из номера в номер печатались анонимные рассказы "Was hat das baltische Deutschtum gedacht. Der Totentanz in Livland", в которых было представлено содержание вышедшей в Германии романной трилогии Фегезака.

⁴ Ср. рецензию Густава Суйтса на "Grundriss einer Geschichte der baltischen Dichtung" Артура Берзинга [Behrsing 1928: 1–132]. Г. Суйтс соглашается с тем, что «балтийская история литературы была бы полной, если бы она охватывала все пункты соприкосновения и взаимного влияния всех местных народов» [Suits: 208].

следовании 1938 г. о литературе эпохи просвещения в Эстонии писал, что «время сглаживает противоречия прошлого и <...> сегодня национал-социалистская концепция 700-летнего подчинения [*‘seitsmesaja-aastane otjatöö’*] эстонских крестьян немецкой власти выглядит экстремистской и потому не должна приниматься всерьез»; при этом «социально-экономических разногласий становится все меньше, и немцы превращаются скорее в единомышленников и почти товарищей по несчастью, разделяющих общую судьбу в общем жизненном пространстве» [Annist: 987]. Аннист приводит в качестве примера финнов, которые не третируют шведов как «чужих», а считали их своими в финском историческом и культурном пространстве. Аннист отмечал, что «не задумываясь» включил бы в историю эстонской литературы «прежнюю литературу, вне зависимости от того, на каком языке она написана, если только она была важна для страны и ее граждан», так как «зачем добровольно отгораживаться друг от друга колючей проволокой “национальности”? Только потому, что авторы по крови, убеждениям или языку не эстонцы?» [Там же: 987–988].

Это аккуратное сглаживание «национальных и социальных антипатий» [Там же: 988] было насильственно прервано событиями 1939–1945 гг. Одно за другим последовали: репатриация балтийских немцев (1939)⁵, первая советская оккупация (1940–1941), новая репатриация — немцев, которые поняли, что не могут и не хотят жить при советской власти (1941), немецкая оккупация (1941–1944) и вторая советская оккупация, которая длилась с 1944 по 1991 г. Если в межвоенный период стремившаяся к самоопределению молодая эстонская нация смотрела на немцев, их бывших господ и на их литературу, презрительно морщась и пытаясь сочинить новую, более воодушевляющую историю, более скандинавски-ориентированную [Laanes, Kaljundi: 561–578], то уже после первого года советской оккупации отношение эстонцев к немцам принципиально улучшилось, и немецкие войска были встречены цветами как освободители (ср. [Laag: 7; Rauch 1977: 215]). Сходным образом развивались события и в Латвии, где Россия превратилась в главного врага (см. об этом, напр.: [Undusk 2007: 11]). «Ненависть к немцам» превратилась в течение короткого времени в «ненависть к русским» [Kivimäe 2005: 8; Kivimäe 2001: 8]⁶.

⁵ Согласно пакту Молотова-Риббентропа (окт. 1939 г.) все немцы из Эстонии и Латвии, около 65 000 человек, репатрировались — “Heim ins Reich”. На самом деле они были переселены на оккупированную территорию Польши.

⁶ Ю. Кивимяэ указывает на недостаточное внимание исследователей к изучению этого феномена, приводя в качестве единственного исключения статью О. Мертельсманна [Mertelmann: 43–58].

Незадолго до новой советской оккупации в сентябре 1944 г. около 70 000 эстонцев бежали на Запад: в Швецию, Германию, позже за океан, в Канаду и Австралию — это было так называемое «большое бегство» (“Suur põgenemine”) (см. об этом, напр.: [Suur põgenemine; The Formation]). С того момента разделилось и эстонское восприятие балтийских немцев. В кругу эмигрантов, которые чаще находили контакт друг с другом, эстонцев и балтийских немцев связывала общая потерянная родина. Относительно большое число личных контактов сделало возможным амбивалентное отношение к балтийским немцам, что позволило развиваться отмеченным Аннистом тенденциям к сближению. Площадкой для дискуссий служила в то время эстонская эмигрантская пресса, в которой обсуждались и балтийско-немецкие авторы и темы.

В советской Эстонии за железным занавесом миф о 700-летнем подчинении был интегрирован в социалистическую концепцию истории (подлежала перетолкованию только роль русских), в соответствии с ним была принята официальная трактовка немецкоязычной культуры и литературы: «Долгая антинемецкая традиция, которая служила основой эстонской историографии, вновь была взята на вооружение — с тем большим удовлетворением, что речь шла о, так сказать, свободном наследии» [Undusk 2007: 13]. Это означало, что немецкое участие в литературе, особенно в сталинское время, почти обязательно представлялось в негативном ключе или замалчивалось, и в результате забывалось. Таким образом, все, что ранее находилось за «стеклянной стеной» или за колючей проволокой, превращалось в «белое пятно» за железным занавесом. Следует отметить, что восприятие и толкование немецкой культуры в Эстонии оставалось, тем не менее, амбивалентным — если принять во внимание и неофициальную рецепцию. Наряду с официальным, идеологическим всегда существовало и человеческое, личное понимание, которое могло не совпадать с ним. Об этом рассказывает среди прочих историков Герт фон Пистолькорс в своих воспоминаниях, опубликованных также и на эстонском языке [Pistohlkors 2008: 69–72; Pistohlkors 2009: 45–67].

После восстановления независимости Эстонии в общественных настроениях наблюдались те же тенденции к сближению немцев и эстонцев, которые с 1950-х гг. имели место в эмиграции. Необходимо отметить, что уже в ранних исследованиях балтийско-немецкой проблематики в Эстонии важное место занимала интеграция балтийских немцев в ранее исключительно эстоноцентричный мир — исходя из принципов общей географии и общей культурной истории страны. Итак, мнение Августа Анниста, что по другую сторону проволочного забора «национальности» есть много

интересного, подтверждается и реализуется, по меньшей мере, на уровне исследований.

Обзор переводов

В промежутке с 1945 по 1987 г. (т. е. до фактической ликвидации цензуры, которая полностью контролировала содержание текстов и возможности их публикации) на эстонский язык текстов был переведен 41 балтийско-немецкий текст. Девять из них вышли в эмиграции, 32 было опубликовано в Эстонии (из них 16 — в составе одного сборника). Государственная издательская система в Эстонии была подвержена строгому идеологическому контролю. Цензура печати существовала формально до октября 1990 г. [Riigi Teataja: 132], фактически она начала исчезать с осени 1988 (ср.: [Veski-mägi]). Во время хрущевской оттепели, в 1957 г., было создано литературное приложение к журналу “Looming” под названием “Loomingu Raamatukogu” (далее в тексте — LR). Как издательству приходилось обходить цензуру, контролировавшую LR, описала в своих мемуарах известная переводчица и бывший редактор этой серии (1958–1973) Лембе Хидель [Hiedel 1995; Hiedel 2006: 159–204]. Единственный в советской Эстонии художественный балтийско-немецкий текст вышел в LR в 1966 г. Это был сокращенный перевод “Der Tod von Reval”, гусарской пьесы Вернера Бергенгруна [Bergengruen 1966; Bergengruen 1999]. Главным местом действия в ней является Ziegelskoppel (эст. Корли), бывшее кладбище в Ревеле, которое к тому времени было почти 20 лет как уничтожено советской властью. Подобный курьез произошел в 1979 г.: в республиканском специальном журнале “Keel ja Kirjandus”/«Язык и Литература» вышла короткая статья под названием “Kuidas minust sai eesti kirjanduse tõlkija” («Как я стал переводчиком эстонской литературы»), в которой получил слово один балтийский автор [Behrsing 1979: 35–36]. Ее автором является Зигфрид Берзинг (1903–1994), сын балтийского педагога, писателя и переводчика Артура Берзинга (1873–1929); (см. прим. 4). Зигфрид Берзинг уже закончил академическую карьеру в ГДР, когда в 1973 г. прочитал в советской пропагандистской газете “Kodumaа”, ориентированной на эстонских эмигрантов, что статья посвящена столетию его отца. В 1979 г. он приехал в Таллинн на встречу переводчиков и в своем коротком выступлении поблагодарил власть за эту возможность [Там же: 36].

Среди переводов, появившихся в эстонской эмигрантской печати, только один текст был художественным [Scharer], а доминировали историче-

ские и научные статьи [Johansen; Rauch 1983; Rauch 1985; Zur Mühlen]. Здесь нужно отметить эмигрантский эстонский журнал “Tulimuld”⁷. Сочинение Эджарда Шапера перевел на эстонский язык Виктор Лепик. Оно вышло в издательстве “Maarjamaa” в Риме, где трудился единственный человек — эстонский католический священник Велло Сало, издавая эстонскую литературу в карманном формате для отправки на родину (см.: [Salo]).

Среди текстов, которые были выбраны для дальнейшего перевода, значительное место занимали ранние хроники, которые использовали, в частности, в учебных целях, что обосновывало их перевод в Эстонии. В эмиграции исторические хроники служили скорее дополнением к литературному и историческому канону. Следует отметить выход двух отдельно опубликованных переводов «Хроники Генриха»: сначала в Риме в 1962 г. [Henricus Lettus 1962], затем в Таллинне в 1982 г. [Henricus Lettus 1982]. В эмиграции вышла хроника Балтазара Руссова [Russow], в Эстонии она не могла быть опубликована из-за «антимосковской позиции» автора [Undusk 2007: 25]. Позволятельны были другие ранние хроники (напр., [Hoenecke; Renner, Hoenecke]), или перевод анонимно вышедшего в Берлине в 1861 г. и позднее приписанного Василию Благовещенскому⁸ политического памфлета «Эстонец и его господин» (“Der Ehste und sein Herr”), в котором в стилистике Гарлиба Меркеля «разоблачались недостатки и жестокость балтийского дворянства» [Blagoweschtschenski].

Во многих случаях важную роль мог играть личный интерес (и личная позиция), что подтверждается исследованиями тартуского профессора русской литературы С. Г. Исакова [Issakov], который издал в 1986 г. сборник статей об истории университета. В него вошли воспоминания 25 бывших студентов о времени их учебы в Тарту, из них 16 были по происхождению балтийскими немцами. Их мемуары читаются как балтийско-немецкая история университета. Отрывок из «Писем балтийского идеалиста» (“Briefe eines baltischen Idealisten” [Schultz-Bertram 1934]) Георга Юлиуса фон Шульца (известного под псевдонимами Dr. Bertram или Schultz-Bertram, см.: [Dr. Bertram; Dr. Bertram 1987: 76–79]) появился в 1984 г. и был републикован в 1987 г. Некоторые немногочисленные переводы, явившиеся позднее [Parrot; Baer], проходили под рубрикой «академических исследований» и прилагались к публикациям об известных дерптских ученых, прежде всего, естествоиспытателях XIX в. В советский период естествен-

⁷ Выходил в 1950–1993 гг. в Лунде (Швеция) под редакцией Бернарда Кангро (1904–1994).

⁸ Василий Благовещенский (1802–1864), русский публицист и педагог, в 1846–1864 гг. — цензор зарубежной литературы в Риге и Ревеле.

ные науки менее других вызывали подозрения в неблагонадежности. Соответственно, балтийский немец Карл Эрнст фон Бэр, член Петербургской Академии, считался прогрессивным *русским* исследователем. Памятник, поставленный ему в XIX в. на Домберге, сохранился там и в сталинские времена. Латинская диссертация Бэра об эндемичных заболеваниях эстонцев, которая представляла этот народ в относительно нелицеприятном виде, была переведена на эстонский в 1976 г. и вышла в серии LR [Baer].

Предпочтение, оказываемое естественным наукам, объединяет путевые заметки Александра Теодора фон Миддендорфа [Middendorf] и Отто фон Коцебу [Kotzebue], которые можно было, с одной стороны, интерпретировать как ученые заметки, с другой — помещать в контекст советской (анта)рктической колонизации. Итак, наличие на заднем плане таких политических притязаний давало возможность мотивировать перевод этих текстов (ср.: [Tammiksaar 2014; Tammiksaar 2017]). Книжечка путевых заметок фон Миддендорфа “*Reis Taimõrile*” («Путешествие на Таймыр») вышла в 1987 г. В 1978 г. вышли воспоминания Отто фон Коцебу, сына Августа фон Коцебу (“*Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826*”/«Кругосветное плавание в 1823–1826 годах»). В этом же ряду находится обзор (1970 г.) деятельности ряда полярных исследователей родом из Эстонии, среди которых были балтийские немцы, например, Беллинсгаузен, Врангель и др., однако называли их «русско-советскими» полярными исследователями [Passetski].

Наряду с переводами существенную роль в культурной памяти играл еще один жанр — публицистические и научно-исторические статьи, а также короткие заметки о балтийско-немецких ученых, которые начали чаще выходить в 1950-е гг. Эти публикации, особенно поначалу, естественно получали характерную для того времени идеологическую тональность. Например, разрешалось называть такие имена, как Паррот, Эверс и Краузе, при этом восхваляя их «достижения в борьбе против крепостного права» [Tstraat]. Советско-балтийско-немецкое созвездие в эстонских юбилейных публикациях образовали имена Бэра, Паррота и Моргенштерна.

Литература

Annist: *Annist, A. Meie valgustusajastu kirjandus ja krahv Manteuffel* // Looming. 1938. Nr 9–10.

Baer: *Baer, K. E. von. Eestlaste endeemilistest haigustest [Dem orbis inter esthonos endemicis]* / Tõlk. Ü. Torpats / Loomingu Raamatukogu 33. Tallinn, 1976.

Behrsing 1928: *Grundrisse einer Geschichte der baltischen Dichtung* / Hrsg. von A. Behrsing unter Mitwirkung von A. Favre, O. Greiffenhagen und A. Knüppfer. Leipzig: Institut für Auslandkunde, Grenz- und Auslandsdeutschum, 1928.

Behrsing 1979: *Behrsing, H. S. Kuidas minust sai eesti kirjanduse tõlkija* // Keel ja Kirjandus. 1979. Nr 1.

Bergengruen 1966: *Bergengruen, W. Surm Tallinnas. Kurioosetid lugusid ühest vanast linnas* [Der Tod in Reval. Kuriose Geschichten aus einer alten Stadt] / Tõlk. R. Sepp // Loomingu Raamatukogu 35. Tallinn, 1966.

Bergengruen 1999: *Bergengruen, W. Surm Tallinnas* [Der Tod in Reval]. Tallinn, 1999.

Blagoweschtschenski: *Blagoweschtschenski, W. Eestlane ja tema isand: talupoegade majandusliku olukorra ja nende seisundi valgustamiseks Eestimaal*. Kirjutanud keegi, kes pole eestlane ega tema isand [Der Ehste und sein Herr: zur Beleuchtung der öconomischen Lage und des Zustandes der Bauern in Ehstland. Von Einem, der weder ein Ehste noch dessen Herr ist]. Tallinn, 1959.

Dr. Bertram: *Dr. Bertram* (= Schultz-Bertram = Schulz, Georg Julius von). Õine juhtum anatoomikumis [Nächtliches Abenteuer im Anatomikum] / Tõlk. E. Tallmeister // Edasi. 1984. 29. dets.

Dr. Bertram 1987: *Dr. Bertram* (= Schultz-Bertram = Schulz, G. J. von). Õine juhtum anatoomikumis. [Nächtliches Abenteuer im Anatomikum] // Meie Tartu / Koost. T. Matsulevitš. Tallinn, 1987.

Henricus Lettus 1962: *Henricus Lettus. Henriku Liivimaa kroonika = Heinrici Chronicon Livoniae* / Tõlk. J. Mägiste. Rooma: Maarjamaa, 1962.

Henricus Lettus 1982: *Henricus Lettus. Henriku Liivimaa kroonika = Heinrici Chronicon Livoniae* / Tõlk. R. Kleis, comment. E. Tarvel. Tallinn: 1982.

Hiedel 1995: *Hiedel, L. Loomingu Raamatukogu alaeast. Märkmeid ja meenutusi aastaist 1957–1973* // Vikerkaar. 1995. Nr 5/6. Lk 138–149; Nr 7. Lk 80–85; Nr 8. Lk 67–75.

Hiedel 2006: *Hiedel, L. Loomingu Raamatukogu viiskümmend aastat* // Loomingu Raamatukogu. Bibliograafia / Loomingu Raamatukogu 37–40. 2006.

Hoeneke: *Hoeneke, B. Liivimaa noorem riimkroonika* [Jüngere Livländische Reimchronik] / Tõlk. ja komment. S. Vahtre. Tallinn, 1960.

Issakov: *Issakov, S. (koost.). Mälestusi Tartu ülikoolist. 17.–19. saj.* Tallinn, 1986.

Johansen: *Johansen, P. Kronist Balthasar Rüssowi päritolu ja miljöö* / Tõlk. E. Blumfelt // Tulimuld. Eesti kirjanduse ja kultuuri ajakiri. Aastakäik 15. Lund, 1964. Nr 4.

Kivimäe 2001: *Kivimäe, J. Märkmeid teiselt kaldalt. Ajaloo talumatu kergus* // Tuna: Ajaloo-kultuuri ajakiri. 2001. Nr 5.

Kivimäe 2005: *Kivimäe, J. Ajaloo üle ei tohiks kohut mõista* // Eesti Kirik. 2005. 9. nov. / <http://www.eestikirik.ee/prof-juri-kivimae-ajaloo-ule-ei-tohiks-kohut-moista/> (Дата обращения: 22.09.2017).

- Kotzebue: *Kotzebue, O. von*: Reis ümber maailma aastail 1823–1826 [Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826] / Tõlk. Ü. Kurvits. Tallinn, 1978. (=Maailm ja mönda)
- Laanes, Kaljundi: *Laanes, E.; Kaljundi, L.* Eesti ajalooromaani poeetika ja poliitika. Sissejuhatuses // Keel ja Kirjandus. 2013. Nr 8–9: Ajalooromaani ja kultuurimälu erinumber.
- Laar: *Laar, M.* Emajõgi 1944. II maailmasõja lahingud Lõuna-Eestis. Tallinn, 2005.
- Lukas: *Lukas, L.* Baltisaksa kirjandusväli 1890–1918. (= Collegium litterarum 20). Tartu–Tallinn Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus; Tartu Ülikooli kirjanduse ja rahvaluule osakond, 2006.
- Mertelsmann: *Mertelsmann, O.* How the Russians Turned into the Image of the “National Enemy” of the Estonians // Pro Ethnologia. 2005. № 19.
- Middendorf: *Middendorf, A. T. von*. Reis Taimõrile [Reise in den äußersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844] / Tõlk. O. Kurs, A. Kurs. Tallinn, 1987.
- Must: *Must, A.* Von Privilegierten zu Geächteten. Die Repressalien gegenüber deutschbaltischen Honoratioren während des Ersten Weltkrieges. Tartu, 2014.
- Parrot: *Parrot, G. F.* Kõne Aleksander I-le [Rede auf Kaiser Alexander I] / Tõlk. E. Kudu // G. F. Parroti 200. sünniaastapäevale pühendatud teadusliku konverentsi materjale. Tartu, 1967.
- Passetski: *Passetski, V.* Eestist pärit Arktika-uurijad. Tallinn, 1970. (=Maailm ja mönda)
- Pistohlkors 2008: *Pistohlkors, G. von*. Eestist noores eas ümber asunud baltisakslase tagasivaateid // Sõna jõul. Diasporaa roll Eesti iseseisvuse taastamisel / Koost. K. Anniste, K. Kumer-Haukanõmm, T. Tammaru. Tartu: Tartu Ülikooli Välis-Eesti uuringute keskus, 2008.
- Pistohlkors 2009: *Pistohlkors, G. von*. Ein jugendlicher Deutschbalte aus Estland // Kriegskindheit und Nachkriegsjugend in zwei Welten / Hrsg. von B. Bonwetsch. Essen, 2009.
- Rauch 1977: *Rauch, G. von*. Geschichte der baltischen Staaten. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977.
- Rauch 1983: *Rauch, G. von*. Vivat, crescat, floreat Universitatis Tartuensis! // Tulumuld. Eesti kirjanduse ja kultuuri ajakiri. Aastakäik 34. Lund, 1983. Nr 1.
- Rauch 1985: *Rauch, G. von*. Üks eesti rahvalaul ladinakeelses tõlkes [Ein estnisches Volkslied in lateinischer Übersetzung] // Tulumuld. Eesti kirjanduse ja kultuuri ajakiri. Aastakäik 36. Lund, 1985. Nr 4.
- Renner, Hoenecke: *Renner, J.; Hoenecke, B.* Eestlaste vabadusvõitlus, mis algas Jüriööil aastal 1343, nii jutustab Bartholomäus Hoenecke järgi kirjutatud riimkroonika, mis on edasi antud Johann Renneri kroonika järgi [Der Bauernaufstand in Oesel im Jahre 1343] / Tõlk. H. Kruus. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1945.
- Riigi Teataja: Riigi Teataja. 1990. Nr 12.
- Russow: *Russow, B.* Liivimaa kroonika [Chronica der Provinz Lyfflandt] / Tõlk. H. ja D. Stock. Stockholm: Vaba Eesti, 1967.
- Salo: *Salo, V.* Siin Vatikani Raadio! Vello Salo lugu. Tallinn, 2015.
- Schaper: *Schaper, E.* Täht piiri kohal. Jõululegend. Rooma: Maarjamaa, 1964.

Schultz-Bertram 1934: *Schultz-Bertram, G. J. von* (= Dr. Bertram). Briefe eines baltischen Idealisten an seine Mutter 1833–1875. Leipzig: Koehler & Amelang, 1934.

Suits: *Suits, G.* Balti kirjandusajaloo katse: "Grundrisse einer Geschichte der baltischen Dichtung", Arthur Behrsing (1928) // Eesti Kirjandus. 1929. Nr 5.

Suur põgenemine: *Kumer-Haukanõmm, K.; Rosenberg, T.; Tammaru, T.* (koost.). Suur põgenemine 1944. Eestlaste lahkumine läände ja selle mõjud (= Tartu Ülikooli Välis-Eesti uuringute keskuse toimetised 2). Tartu, 2006.

Zur Mühlen: *Zur Mühlen, O. von.* Balti-sakslastest ja nende keelest. Tähelepanekuid vabariigieegsest Eestist [Einfluss des Estnischen und andere Besonderheiten im Baltendeutsch. In Estland der Zwischenkriegszeit gemachte Beobachtungen] // Tulimuld. Eesti kirjanduse ja kultuuri ajakiri. Aastakäik 36. Lund, 1985. Nr 1. Lk 42–47; Nr 2. Lk 101–104.

Tammiksaar 2014: *Tammiksaar, E.* Vene Lõunapooluseekspeditsioon poliitilistes tõmbetuultes // Akadeemia. 2014. Nr 1. Lk 72–95; Nr 2. Lk 286–312.

Tammiksaar 2017: *Tammiksaar, E.* Russian South Pole Expedition in the Context of Political Interests of the Russian Empire and the Soviet Union // Cold in Russia: Ice, Snow and Frost in Russian History (= The Environment in History: International Perspectives) / Ed. J. Herzberg. New York, 2017. [in print]

The Formation: *Kumer-Haukanõmm, K.; Tammaru, T.; Anniste, K.* (ed.). The Formation and Development of the Estonian Diaspora // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36. № 7.

Traat: *Traat, A.* Pärisorjusevastase mõtte kandjaid Tartu ülikoolis tema algusaastail // Edasi. 1953. 11. sept.

Undusk 1993: *Undusk, J.* Baltisaksa kirjandus, tekst ja tegu // Vikerkaar. 1993. Nr 10.

Undusk 2007: *Undusk, J.* Ajalookirjutusest Eestis ja eksilis Teise maailmasõja järel. Võhiku mõtted // Tuna: Ajalookultuuri ajakiri. 2007. Nr 1.

Undusk 2008: *Undusk, J.* Baltisaksa kirjanduse breviaar, Põhilaad, erijooned, esindajad // Rahvuskultuur ja tema teised. Tallinn: Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus, 2008. (= Collegium litterarum 22)

Undusk 2011: *Undusk, J.* Baltisaksa kirjakultuuri struktuurist. Ärgituseks erinumbri lugejale // Keel ja Kirjandus. 2011. Nr 8–9: Baltisaksa kirjakultuuri erinumber.

Vegesack: *Vegesack, S. von.* Baltische Tragödie. Berlin: Universitas, 1935.

Veskimägi: *Veskimägi, K-O.* Nõukogude unelaadne elu. Tsensuur Eesti NSV-s ja tema perekohed. Tallinn, 1996.